

тяжки, если мы скажем, что книгописание в Троице-Сергиевом монастыре началось рано, в первые же десятилетия после его основания, при жизни самого Сергия. Действительно, существует целый ряд источников, говорящих об этом и притом говорящих очень убедительно.

В «Отвещании любозаборным и сказании въкратце о святых отцех, иже в Рустей земли сущих» Иосифа Волоцкого в части, касающейся Сергия Радонежского, Иосиф отмечает нестяжание святого и доказывает это ссылкой на то, что «в обители блаженного Сергия и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестах».⁴² Это известие Иосифа уже давно было сопоставлено с аналогичным известием Описи 1642 г., сообщающей о хранившихся в ризнице монастыря неких «свертках на деревце чюдотворца Сергия»,⁴³ т. е. документально подтверждающей слова Иосифа.

Другой источник — Житие Сергия, составленное в начале XV в. Епифанием Премудрым, — свидетельствует о том, что Сергий поощрял книгописание в своем монастыре и отличал иноков, которые предавались этому занятию, от прочих монахов. Епифаний рассказывает, что когда князь Владимир Андреевич Храбрый попросил у Сергия из его братии для основания монастыря в Серпухове «старца именем Афанасия» (Высоцкого), то Сергий пошел навстречу князю и отпустил Афанасия, о котором Епифаний и замечает: «в добродетелех свершена зело строина и учителна и божественны ж писанины разумна, еже ныне свидетельствуют писаниа его».⁴⁴ Епифаний сам был выдающийся книжник, и похвала в его устах Афанасию Высоцкому это, конечно, не пустое слово. Ссылку на афанасиевы «писаниа», между прочим, надо понимать как указание на какие-то рукописи, написанные им собственноручно. Что Афанасий отлично владел искусством письма, это видно по его автографу в рукописи, переписанной при его настоятельстве в Серпуховском Высоцком монастыре в 1381 г. дьяконом по прозвищу Вунько. Сам Вунько почтительно называет Афанасия «отцом своим»,⁴⁵ но в переписанной им книге есть и другая приписка, сделанная красивым мелким полууставом, которая говорит о написании рукописи «при игумене грешномъ Афанасьи».⁴⁶ Эта вторая приписка и есть автограф Афанасия.

Опись 1642 г. содержит сведения еще об одном ученике Сергия, подвизавшемся по части книгописания, — об Исаакии Молчальнике. Прозвище свое он получил потому, что ради великого смирения добровольно наложил на себя обет пожизненного молчания. В Описи упоминаются две рукописи, переписанные им: Евангелие в десть на бумаге «Исаковское Молчальникова»⁴⁷ и Псалтирь в полдесть на бумаге же «писма Исака Молчальникова».⁴⁸ Обе рукописи были весьма старые, так как Троицкая летопись сообщает, что Исаакий умер зимою 1387 г.⁴⁹

⁴² ЛЗАК, 1862—1863, вып. 2, СПб., 1864, стр. 81.

⁴³ Опись 1642 года, л. 100.

⁴⁴ Н. Тихонравов. Древние жития преподобнаго Сергия Радонежского. М., 1892, отд. 1, стр. 132. См. также: ПСРЛ, т. XI, стр. 144.

⁴⁵ ГИМ, Син. 193, Пандекты Никона Черногорца, 1381 г., л. 1.

⁴⁶ Там же, л. 211 об.

⁴⁷ Опись 1642 года, л. 272 об.

⁴⁸ Там же, л. 278 об.

⁴⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 432. В Описи 1642 г. упоминается какое-то Евангелие с обозначением «елисеевское» (л. 271). Е. Е. Голубинский допускал, что оно могло принадлежать еще одному, третьему, ученику Сергия дьякону Елисею (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 94, прим. к стр. 93). Но описание рукописи (лицевой, с шелковыми прокладками, золотыми кистями, серебряными застежками, в бархатном переплете) убеждает нас, что такая роскошная рукопись не могла принадлежать Елисею. Речь идет несомненно